

Глава 68. Давно не виделись

Мягкого, податливого Цзян Тана Фу Линцзюнь несколько раз легонько помял, словно тесто. Ладонь у него была такая большая, что одной рукой он без труда мог сжать обе руки Цзян Тана — сначала одну, потом другую, почти так же, как раньше мял подушечки лапок маленького пёсика.

Цзян Тану смутно казалось, что Фу Линцзюнь просто чешет собаку, но при всём своём возмущении возразить не решался и только сердито смотрел на него.

Потом Фу Линцзюнь легко коснулся пальцем его лба, провёл по кончику носа и сказал:

— Вставай.

Сам тут же сел, достал из жемчужины Нахай комплект белой одежды и положил рядом.

Цзян Тан, которого только что так приятно погладили и которому хотелось ещё, уже собирался сказать, что от него вовсе не пахнет, одежда тоже не грязная, и зачем вообще переодеваться? Ему даже хотелось ещё немного полениться и поспать, так что он тихонько пробурчал:

— Не хочу... вставать.

Он осторожно покосился на Фу Линцзюня и свернулся комочком.

И вдруг замер.

Только сейчас он наконец заметил, что что-то не так.

Вчера вечером, когда он ложился спать, эта кровать казалась очень просторной. Утром ему уже было немного тесновато, но прекрасное лицо Фу Линцзюня оказалось слишком близко, и Цзян Тан не удержался — полез трогать красавца за лицо. О том, что вчера вечером он засыпал пушистым зверьком, а проснулся человеком, он из-за этого даже не подумал.

И вот когда он только что попробовал свернуться клубочком, то ощутил, как всё тело скользит по простыне совсем уж голым ощущением.

Он застыл и медленно опустил голову вниз.

Белым-бело. Ни одной нитки.

А-а-а! Одежду он снял ещё вчера, когда превратился в пушистика, — и напрочь об этом забыл!

Кто-нибудь может ему сказать, что он только что вообще творил? Он, значит, голый полез заигрывать с Фу Линцзюнем? Да ещё и в таком виде ластился к нему, жаловался, что не хочет вставать?!

У-у-у, всё, жить он больше не хочет.

Фу Линцзюнь повернул к нему голову, будто проверяя, правда ли тот не хочет вставать. Спустя мгновение он взял лежавшую рядом одежду с таким видом, словно собирался сам помочь Цзян Тану одеться, и так напугал его, что тот, перекатившись, отпрянул на полкруга назад:

— Я... я... сам!

А-а-а! Великий босс вообще считает его человеком или домашним зверьком?! Почему он совершенно не смущается? Неужели только одному Цзян Тану при малейшей близости кажется, будто он сейчас вспыхнет целиком? Он же без одежды, чёрт возьми! И Фу Линцзюнь... совсем-совсем не удивлён?

С этими криками в голове Цзян Тан быстро вытянул руку, ухватил белую одежду и втащил её под одеяло.

Взгляд Фу Линцзюня скользнул по нему, укутанному в одеяло, после чего он обулся и опустил полог кровати.

Цзян Тан ещё долго сидел на кровати и одевался. Когда он наконец вышел, то увидел, что великий босс тоже успел переодеться. Впервые он видел Фу Линцзюня не в чёрном. На нём тоже было белое, как и на самом Цзян Тане, только одежда Цзян Тана была вся расшита тончайшими узорами и с первого взгляда выглядела очень дорогой, а на одежде Фу Линцзюня не было ничего, кроме чистого, без примесей, цвета.

Его одежда и обувь, похоже, вообще все очень дорогие, с запозданием подумал Цзян Тан.

Всё время именно великий босс покупал ему вещи. А он сам ни разу ничего не купил для него. Даже та шпилька была самой дешёвой, деревянной, и то оплаченной из денег самого Фу Линцзюня.

Цзян Тану вдруг страшно захотелось спросить о вчерашнем поцелуе.

Фу Линцзюнь так хорошо к нему относился, а вчера ещё и... Ему безумно хотелось узнать, что великий босс на самом деле думает.

Но кожа на лице у него была тонковата, и спросить прямо он всё же стеснялся, поэтому пошёл в обход и сперва завёл разговор о той вонючей пилюле.

— Тот... шарик, — Цзян Тан всё ещё слегка сердился. — Почему... я... должен был... его есть?

Фу Линцзюнь не ответил.

Из чуть-чуть сердитого Цзян Тан моментально превратился в сердитого вдвойне и повысил голос:

— Что... это... было?!

Великий босс не станет его травить, это ясно. Но хотя бы сказать, что это вообще такое, неужели было так трудно?

— Хорошее лекарство горько на вкус, — сказал Фу Линцзюнь.

Но что это было за лекарство, так и не объяснил.

Цзян Тан разозлился так, что готов был вцепиться в него зубами. В голове уже выстроилась целая очередь ругательств, но на местном языке он всё равно говорил как запинаящийся заика и никакого устрашения произвести не мог. Поэтому, всплыв, он снова переключился на китайский:

— Да какое там хорошее лекарство, чёрт тебя побери! Свиное копыто, ты просто издеваешься! Какое лекарство вообще может вонять носками?! Это что, суп Мэнпо?!

Высказавшись, трусишка Цзян очень быстро пришёл в себя. Пусть Фу Линцзюнь и не понимал китайский, но он ведь только что явно орал слишком долго и слишком громко... Сразу ясно, что ничего хорошего не сказал.

Поэтому, надув губы и сразу сжавшись, он тихо-тихо, жалобно пробормотал:

— Понял.

И тут он вдруг увидел, что Фу Линцзюнь улыбается.

Фу Линцзюнь улыбался редко. Точнее, почти никогда. Но сейчас он не просто улыбнулся — даже тихо рассмеялся, и было видно, что настроение у него очень хорошее.

В последние дни Цзян Тан чаще видел Фу Линцзюня под другой личиной, а теперь, когда тот улыбнулся своей настоящей, прекрасной до одури красотой, у него от этого прямо сердце размякло. Он даже временно забыл, что недавно ему всучили пилюлю с запахом грязных носков, и целиком утонул в красоте.

Насмеявшись, Фу Линцзюнь, стоя в лучах утреннего света, пристально посмотрел на него.

Волосы у него всё ещё лежали так, как в прошлый раз расчёсывал Цзян Тан. То ли сам Цзян Тан ещё не слишком наловчился чесать волосы, то ли они просто растрепались оттого, что они проспали ночь вместе, но причёска уже не выглядела аккуратной. На гладкий высокий лоб спадали несколько беспорядочных прядей. В просачивающемся в комнату утреннем свете они качали тени и ложились в глаза, сиявшие живо и ярко.

— Уже не сердись? — спросил он, заметив, что Цзян Тан вдруг притих.

Только теперь Цзян Тан вспомнил, что вообще-то всё ещё сердится.

Но прекрасное лицо его так отвлекло, что толком злиться уже не получалось. В конце концов, великий босс ведь не мог и правда пытаться его отравить. Значит, то, что он дал ему съесть, наверняка полезно для тела. Ну и подумаешь, воняет. Одну пилюлю ради него и проглотить можно.

Этот вопрос можно временно отложить. Но были и другие вещи, которые сегодня ему непременно нужно было как следует обсудить!

Пользуясь тем, что остатки злости всё ещё придавали ему смелости, Цзян Тан одним духом выпалил тот вопрос, который только что так долго копил в себе:

— Вчера... почему... ты... тронул... моё... лицо?

Вообще-то он хотел использовать слово «поцеловал». Но в сердце у него это слово звучало слишком уж двусмысленно. Кто знает, может, Фу Линцзюнь всего лишь мазнул губами по его щеке или слегка лизнул, как стрекоза касается воды. Потому в итоге он после долгих мучений выбрал слово «тронул».

Фу Линцзюнь выглядел совершенно спокойным, будто совсем не против был ответить.

— Потому что хотел, — сказал он.

Цзян Тан: ???

Что это вообще за волчьи слова такие?! Это он что-то не так понял, или Фу Линцзюнь и правда имел в виду именно то, что он подумал?!

— П-по... почему... хотел... тронуть... — и без того рассыпающаяся на куски языковая система Цзян Тана окончательно сломалась от этого удара. Заикаясь, он долго пытался задать вопрос, но сам же путался на середине. — Мы... мы... если так... тогда наши... отношения... нет, не так... мы... тогда... будем... вместе... нет... не расстанемся...

А-а-а! То, что только что сказал великий босс, — это было признание?! Или он просто считает его своей вещью и потому думает, что, как и раньше, погладить пёсика или дать пёсику лизнуть руку — это совершенно нормально?

Но ведь он сейчас уже не пёсик! Как вообще сформулировать этот вопрос так, чтобы великий босс понял?

Фу Линцзюнь смотрел, как маленький юноша до красных ушей и почти до слёз мучается с одним-единственным вопросом. Его рука, скрытая в широком рукаве, медленно сжалась.

— И куда это ты ещё собрался убежать? — спросил он.

Цзян Тан сразу поперхнулся своими словами.

Если совсем честно, он и правда когда-то подумывал, что в будущем уйдёт от Фу Линцзюня и станет жить отдельно. Раньше ему казалось: вот бы только выучить пару простеньких заклинаний, и, даже если великого босса не будет рядом, он сможет показывать фокусы на улице, зарабатывать себе на жизнь и, путешествуя, посмотреть этот удивительный мир.

Но стоило Фу Линцзюню задать этот вопрос, и все его мысли словно застряли у него в горле.

Потому что первым делом ему хотелось быть вместе с Фу Линцзюнем, и только потом — смотреть другие места.

К тому же денег у него нет, а сам он слабак из слабаков. И если рассуждать и с точки зрения чувств, и с точки зрения реальности, быть подвеской при великом боссе всё-таки куда удобнее.

Фу Линцзюнь, глядя на выражение лица Цзян Тана, будто тот хочет что-то сказать, но так и не говорит, невесть о чём подумал, и радость на его лице понемногу застыла.

— Выходи, — он потянулся взять Цзян Тана за руку. — Снаружи кое-кто уже давно ждёт.

Цзян Тан, который почти успел забыть, что Е Чжэнвэнь стоит у входа, тут же в испуге выдернул руку.

В голове у него по-прежнему царил полный хаос. Но он боялся, что Е Чжэнвэнь увидит, как они с Фу Линцзюнем выходят вместе, поэтому пока что силой прижал все растрёпанные чувства и, чуть приподнявшись на цыпочки к его уху, тихо спросил:

— Ты... можешь... через окно... уйти?

Фу Линцзюнь нахмурился:

— Почему?

Цзян Тан ещё не знал, что Е Чжэнвэнь уже всё слышал и прекрасно понял, что они провели

ночь в одной комнате. Ему хотелось хоть как-то спрятать звон колокола, украв уши, и он быстро зашептал:

— Нас... заподозрят... что мы... живём... вместе.

Фу Линцзюнь спокойно ответил:

— Так мы и живём вместе.

Цзян Тан: ???

Почему великий босс каждый раз способен с абсолютно прямым лицом говорить настолько убийственные вещи?

Возможности возразить Фу Линцзюнь ему уже не оставил, потому что просто открыл дверь.

Е Чжэнвэнь, сидевший далеко у входа во дворик, услышал шум, деревянно повернул шею и увидел брата Линя и молодого господина Цзяна в новенькой одежде, после чего столь же деревянно отвернулся обратно.

— Ха-ха, сегодня отличная погода, — сказал он, поглаживая голову тигра и старательно не глядя ни на что. — Чэнъинь боялся, что вы не знаете дороги, вот и велел мне сначала прийти за вами и позвать к столу... Пойдёмте.

С этими словами он поднялся и повёл их вперёд.

Серебристый тигр радостно обернулся к Цзян Тану.

— Ау-у! Давно не виделись, комочек! Я так по тебе скучал!

— Ау-у-у! В белом тебе лучше всего! Белый комочек, белый комочек!

Е Чжэнвэнь тащил своего чересчур разошедшегося тигра впереди. Цзян Тан не решился выдать, что это именно он и есть Сяо Бай, и потому не заговорил с тигром. Только помахал ему рукой, когда тот оглянулся.

Тигр и это понял. Его хвост довольно заходил из стороны в сторону.

— Мы вчера... — Цзян Тан поспешно стал оправдываться перед Е Чжэнвэнем. — Я... заболел... мне было... нехорошо.

— Я понимаю, я всё понимаю, — ответил Е Чжэнвэнь.

Цзян Тан облегчённо выдохнул:

— Главное... не понять... неправильно.

А Е Чжэнвэнь, у которого в голове уже давно разворачивались самые странные сцены, подумал: конечно, как же тут не понять неправильно.

Но вслух только сказал:

— Это... нормально.

У Цзян Тана чуть слёзы благодарности не выступили!

Нынешние дети просто слишком понимающие. Он-то думал, что ему придётся ещё долго объяснять, а Е Чжэнвэнь, оказывается, всё понял с первого слова. Ну разве не чудесно!

Место, где жил дом Хуай в Аньюане, называлось Водная Беседка в Облаках. Оно располагалось среди зелёных гор и прозрачных вод. Идя по горной дорожке, вымощенной округлой галькой, Цзян Тан даже подумал, что здешний ветер пахнет сладко.

На полпути их уже ждали Хуай Чэнъинь и Сян Син.

А вот Сун Цзиньяо и Шэн Исюэ не было.

Увидев хозяина и любимого Сяо Бая, здоровяк жадно шагнул было вперёд. Цзян Тан тут же замахал ему рукой. Сян Син тоже замахал в ответ, а потом даже собрался вытащить из-за пазухи плетёную бабочку из травы.

Цзян Тан поспешно затряс головой, как погремушкой.

Сян Син с сожалением убрал бабочку обратно.

То, что Сян Син будет ждать их здесь, Е Чжэнвэня не удивило. А вот присутствие Хуай Чэнъиня удивило очень даже.

— Э? А ты почему тут? — спросил он.

Хуай Чэнъинь состроил страдальческую мину и беззвучно одними губами произнёс два слова:

«Мой дед».

Глаза у Е Чжэнвэня невольно округлились. Он бросил несколько быстрых взглядов в сторону небольшого изящного дворика неподалёку и шёпотом спросил:

— Да что, у твоего деда дел вообще нет? Ладно ещё вчера он с нами ужинал, но сегодня-то он и завтракать с нами собрался? Не то чтобы... он ведь уже несколько тысяч лет как на бигу. Что ему вообще есть?

Потом огляделся вокруг и спросил:

— А где госпожа Шэн?

— Госпожа Шэн переживает за состояние господина Сун, — ответил Хуай Чэнъинь. — С самого утра ушла из Водной Беседки в Облаках к холодному омуту.

Услышав это, Е Чжэнвэнь сразу как-то сник.

— А... ясно.

Даже голос у него прозвучал уныло.

Цзян Тан невольно подумал, что молодой господин Е и правда типичный второй мужской персонаж. Даже если Сун Цзиньяо не получил, как в оригинале, усиление и не начал сиять ещё ярче, второй мужской персонаж всё равно остаётся вторым мужским персонажем и любовную линию не выигрывает.

О Хуай Шоусине в оригинале говорилось немного, так что Цзян Тан его почти не запомнил. Только потому, что позже в книге Хуай Чэнъинь стал спутником Сун Цзиньяо, он ещё смутно помнил, что такой человек вообще существовал.

Лишь дойдя до дворика, Цзян Тан впервые увидел одного из святых нынешнего мира — Хуай Шоусиня.

Достигнув ступени святого, Хуай Шоусинь, хотя и был дедушкой Хуай Чэнъиня и старше его не на одно тысячелетие, выглядел по-прежнему как молодой мужчина. Только очень суровый молодой мужчина.

Ростом он был высок и, кажется, не уступал Фу Линцзюню. Волосы были зачёсаны назад без единого выбившегося волоска и закреплены одной лишь нефритовой шпилькой. В отличие от лица Хуай Чэнъиня — с мягкой детской округлостью, у Хуай Шоусиня было чуть квадратное, широкое лицо с чётким жёстким контуром, отчего весь он казался особенно твёрдым и несгибаемым. Густые брови слегка взлетали вверх, добавляя лицу нападательной резкости. Глаза сияли остро, как у ястреба. Он окинул взглядом всех младших и в конце остановился на Цзян Тане и Фу Линцзюне.

Вчера, когда все пришли на ужин после пробуждения, только их двоих и не было.

Служанка подвела Цзян Тана и остальных к местам.

Едва они втроём расселись, Хуай Шоусинь посмотрел на Фу Линцзюня и спросил:

— Стало быть, вы и есть тот самый Линь Шэн, о котором мне говорил Чэнъинь, молодой друг Линь?

На лице Фу Линцзюня ничего не отразилось. Он спокойно сложил руки в приветствии.

— Да.

— В столь юном возрасте молодой друг Линь уже прекрасно разбирается в рунических формациях. Интересно, у кого вы учились? Хотя, возможно, я и знаю этого человека, — сказал Хуай Шоусинь.

— Мой наставник любит горы и воды, давно странствует по свету. Уважаемый Хуай его, скорее всего, не знает, — ответил Фу Линцзюнь.

Ни капли уважения в ответ, прямо в лицо.

Хуай Чэнъинь и Е Чжэнвэнь сидели как раз напротив и сейчас оба были перепуганы точно два перепела. Е Чжэнвэнь с детства знал Хуай Чэнъиня и потому прекрасно понимал, что Хуай Шоусинь всегда был человеком жёстким, старомодным и суровым, а характер у него ещё и скверный. Когда он иногда приезжал в Аньюань погостить, то специально старался выбирать время, когда Хуай Шоусиня не было рядом, и только тогда осмеливался вольничать. Пусть за его спиной и стоял дядя, всё-таки на чужой территории он не рискнул бы разговаривать с Хуай Шоусинем вот так.

Но даже получив такой ответ в лицо, Хуай Шоусинь не рассердился и по-прежнему вежливо сказал:

— Раз уж все уже познакомились, тогда ешьте. Посмотрите, подходит ли вам здешняя еда.

Фу Линцзюнь и Сян Син, как и раньше, даже не шевельнулись.

Обстановка мгновенно сделалась очень неловкой.

Цзян Тан тут же схватил лежавшие рядом палочки и, взяв перед собой одно на вид очень неплохое блюдо, поспешил сунуть его в рот. А заодно тихо похвалил:

— Вкусно!

Постепенно и Е Чжэнвэнь с Хуай Чэнъинем тоже принялись за еду.

Весь этот завтрак они ели как на иголках.

Быстрее всех улизнули Е Чжэнвэнь и Хуай Чэнъинь. Доели — и сразу вон.

Когда они, будто намазав подошвы маслом, выскочили наружу, им навстречу как раз шёл высокий и крепкий юноша. И, как назло, Хуай Чэнъинь врезался в него со всего маху.

— Хуай Чэнъинь! — тот аж заорал. — Ты что, совсем под ноги не смотришь?!

Этим юношей был двоюродный брат Хуай Чэнъиня — Хуай Чэнчжан.

Лицом он и правда немного походил на Хуай Шоусиня: широкое лицо, густые брови, большие глаза, да и сам выше Хуай Чэнъиня на полголовы. На руках он держал горшок с красивым цветком. От столкновения цветок едва не выскользнул и не упал на землю.

Хуай Чэнчжан с тревогой посмотрел на цветок у себя в руках, убедился, что с ним всё в порядке, и только после этого нашёл в себе силы поднять голову и начать ругаться.

— Говорю тебе, ещё чуть-чуть, и...

Вообще-то у него уже была заготовлена целая корзина мусорных слов, которую он собирался вывалить на голову Хуай Чэнъиню. Но в тот миг, когда слова сорвались было с языка, он увидел Цзян Тана, выходявшего следом.

Дыхание у него будто на секунду остановилось, а фраза оборвалась на полуслове.

Пока Цзян Тан не вышел полностью, Хуай Чэнчжан видел только мягкий, расплывчатый силуэт. Но стоило юноше показаться целиком, как золотой свет солнца пролился на его белые одежды и ещё ярче оттенил это лицо — изящное, до почти демонической красоты.

Ещё секунду назад ему казалось, что цветок в его руках — прекраснейшая вещь на свете.

Но в следующий миг он увидел того, кто был прекраснее самого цветка.

Хуай Чэнчжан тут же забыл, как ругаться.

Простояв с деревянным лицом несколько вдохов, он вдруг с силой дёрнул Хуай Чэнъиня за рукав и, наклонившись, шёпотом спросил:

— К-кто... кто это?

Хуай Чэнъинь уже собрался обернуться, но Хуай Чэнчжан стремительно схватил его за голову и не дал повернуться.

— Н-не оборачивайся. Я... я про ту... самую... которая... красивее всех... девушку...

— Девушку? — Хуай Чэнъинь посмотрел на него так, словно спрашивал: «С тобой всё нормально?» — Молодой господин Цзян — мужчина. Говорить так очень невежливо.

Здоровяк с цветком был потрясён.

Он снова посмотрел на Цзян Тана, потом ещё раз, и только после этого, с дрожью в голосе, вдруг начал читать стихи.

Он раз за разом повторял одну и ту же строку:

— Одежда — радуга, конь — ветер; владыка облаков в сиянии нисходит вниз...

У Е Чжэнвэня сегодня и без того не было настроения, потому что он не увидел Шэн Исюэ. Увидев же, как Хуай Чэнчжан потерял голову от красоты, он не удержался и плеснул на него ведро холодной воды:

— Да не смотри ты. Молодой господин Цзян — с моим братом Линем. Посторонись.

Здоровяк с цветком весь закаменел.

Его взгляд несколько раз метнулся между Цзян Таном и Фу Линцзюнем, после чего он сменил стихотворение и начал повторять уже другую строку:

— Встретиться и опьянеть — это предначертанная прежде судьба. А после ветра и дождя — кто знает, где кого разнесёт...

Когда Цзян Тан и Фу Линцзюнь проходили мимо, он всё же не удержался и озадаченно оглянулся на этого слишком уж по-взрослому выглядящего юношу:

— А что... он... читает?

В этот момент Фу Линцзюнь взял его за руку и несильно сжал ладонь.

— Не разобрать.

Цзян Тан моргнул.

Врёт. Он сам всё расслышал, и Фу Линцзюнь тем более не мог не расслышать.

Но стихотворная часть его языковой системы всё равно не загрузилась, так что разбираться ему было слишком тяжело. В итоге он просто махнул рукой.

Раньше Сян Син жил не в том же дворике, что и они. Из-за истории в Цэнънэне прогулка Хуай Чэнъиня сбилась, и он не успел заранее отправить домой духовную весть о том, что привезёт с собой нескольких друзей.

Вчера вечером, когда Хуай Шоусинь спас их и привёл обратно, всех разместили где придётся в соседних двориках. Сян Син поселился вместе с Хуай Чэнъинем, Е Чжэнвэнь — вместе с Сун Цзиньяо, а единственная девушка, Шэн Исюэ, получила привилегию и целый дворик себе одной.

Пока Фу Линцзюнь не дал нового поручения, Сян Син ушёл обратно вместе с Хуай Чэнъинем.

Фу Линцзюнь держал Цзян Тана за руку, и они шли так, что выглядели точь-в-точь как парочка влюблённых, которая после еды неторопливо гуляет вместе.

Только у такой парочки обычно тем для разговоров хоть отбавляй, а между ними царил одна тишина.

Когда они наконец дошли до двери своего дворика, рука Фу Линцзюня, уже потянувшаяся открыть ворота, вдруг застыла.

Белые, длинные пальцы, лежавшие на створке, медленно сжались, а сам он слегка нахмурился.

— Что такое? — Цзян Тан дёрнул его за рукав.

Фу Линцзюнь заслонил его собой.

— Ничего.

Чуть надавив пальцами, он толкнул дверь. Та скрипнула и распахнулась.

Изнутри двора одна за другой вырвались несколько крупных огненных шаров, дышащих палящим жаром. Они мгновенно сплелись в воздухе в целую огненную сеть.

Фу Линцзюнь прогнулся назад в пояс, уклоняясь от лизнувшего лицо жара, потом легко перевернулся в воздухе и, коснувшись носками земли, одним прыжком взмыл вверх, ступая по остаткам огня.

Пламя ударило снова.

Небесный огонь был самым обычным и распространённым заклинанием святого Дао огненной стихии. Против нечисти и демонов он действовал весьма хорошо, но если противник был того же уровня или даже сильнее, такое заклинание едва ли можно было считать настоящей атакой. Разве что пробой наудачу.

Убийственное намерение в глазах Фу Линцзюня исчезло.

В бушующем пламени проступила фигура Хуай Шоусиня.

Он всё это время ждал здесь возвращения Фу Линцзюня, лишь бы найти момент, когда вокруг не будет лишних людей.

Тонкое золотисто-алое сияние окутывало Фу Линцзюня и смешивалось с огнём так, будто он сам вышел из пламени.

Хуай Шоусинь поднял руку, и весь огонь в воздухе мигом исчез. Дверь во дворик со скрипом захлопнулась. От его ног стремительно разошлась прозрачная, бесцветная преграда и в мгновение ока накрыла собой весь двор.

— Давно не виделись, — сказал он. — Фу Шэн.